

236	0291-01	БОРИС СЛУЦКИЙ	“Хранители отчаяния”	Часть 1 “Коридоры судьбы”
237	0291-02	БОРИС СЛУЦКИЙ	“Хранители отчаяния”	Часть 2 “Лирики и физики”

“Хранители отчаяния” (Коренблит – Слуцкий)

Часть 1 “Коридоры судьбы”

1. Коридоры судьбы	– 1.14
2. Твой свет	– 2.07
3. Звёздные разговоры	– 1.30
4. Реконструкция Москвы	– 1.37
5. Ужас и срам	– 1.11
6. Время	– 1.07
7. Под богом	– 1.47
8. “Мы не рабы!”	– 0.45
9. Равнение	– 1.03
10. Четвёртый анекдот	– 1.16
11. Конец терпения	– 1.26
12. Благодетели	– 1.09
13. Идеалисты в тундре	– 2.03
14. Коммунары	– 0.58
15. Полиция	– 1.30
16. Хранители отчаяния	– 1.38
17. Я – часть народа	– 1.22
18. Крови вкус	– 1.11
19. 21 июня	– 1.24
20. Последняя усталость	– 1.18
21. Во здравие живых!	– 1.39
22. Женские взоры	– 1.43
23. Вдовы	– 1.52
24. Память	– 1.50
25. Четыре года	– 1.36
26. На песке	– 1.10
27. Добро и зло	– 1.09
<i>Общее время звучания – 38.35</i>	
<i>Общее время звучания – 80.08</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 “Коридоры судьбы”

1. КОРИДОРЫ СУДЬБЫ

Коридоры судьбы бесконечны,
словно в Зимнем дворце.

Открываются
и закрываются двери.

Что же нас ожидает
в неминуемом все же конце?
То ли царская ласка,
то ли царские звери?

Все же надо идти,

не оглядываясь по сторонам,
мимо точных служителей
нашей судьбы неотложной.

Мы получим лишь столько,
сколько положено нам
по какой-то наметке
запутанной, темной и ложной.

2. ТВОЙ СВЕТ

Каждое утро вставал и радовался,
как ты добра, как ты хороша,
как в небольшом достижимом радиусе
дышит твоя душа.

Ночью по несколько раз прислушивался:
спишь ли, читаешь ли, сносишь ли боль?
Не было в длинной жизни лучшего,
чем эти жалость, страх, любовь.

Чем только мог, с судьбою рассчитывался,
лишь бы не гас язычок огня,
лишь бы еще оставался и числился,
лился, как прежде, твой свет на меня.

3. ЗВЁЗДНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Тишина никогда
не бывает вполне тишиной.
Слышишь звоны? Звезда
громыхает в ночи ледяной.

Зацепилась зубцом
за звезды проходящей обгон.
Вот и дело с концом –
происходит вселенский трезвон.

И набат мировой
объявляет пожар мировой
над моей головой,
от внимания еле живой.

Так и заведено:
слышать звезд на осях оборот
никому не дано!
Каждый сам это право берет.

Посчастливилось мне –
я услышал совсем молодой
на родной стороне,
как звезда говорит со звездой.

4. РЕКОНСТРУКЦИЯ МОСКВЫ

Девятнадцатый век разрушают.
Шум и гром, и асфальтная дрожь.
Восемнадцатый - не разрешают.
Девятнадцатый - рушь, как хошь.

Било бьет кирпичные стены,
с ног сшибает, встать не дает.
Не узнать привычной системы.
Било бьет.

Дом, где Лермонтову рождаться
хорошо было, - не подошел.
Эти стены должны раздаться,
чтоб сквозь них троллейбус прошел.

Мрамор черный и камень белый,
зал двусветных вечерний свет, -
что захочешь, то с ним и делай,
потому – девятнадцатый век.

Било жалит дома, как шершень,
жжет и не оставляет вех.
Век текущий бьет век прошедший.
На подходе – грядущий век.

5. УЖАС И СРАМ

От ужаса, а не от страха,
от срама, а не от стыда
насквозь взмокала вдруг рубаха,
шло пятнами лицо тогда.

А страх и стыд привычны оба.
Они вошли и в кровь, и в плоть.
Их даже дня умеет злоба
преодолеть и побороть.

И жизнь являет, поднатужась,
бесстрашным нам, бесстыдным нам
не страх какой-нибудь, а ужас,
не стыд какой-нибудь, а срам.

6. ВРЕМЯ

Который час? Который день? Который год? Который век?
на этом можно прекратить вопросы!
Как голубь склевывает просо,
так время склевывает человек.

На что оно уходит? На полет?
На воркованье и на размноженье?
Огонь, переходящий в лед,

понятен, как таблица умноженья.

Гудит гудок. Дорога далека.
В костях ее ухабы отзовутся,
а смерзшиеся в ком века
обычно вечностью зовутся.

7. ПОД БОГОМ

Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали
Живого. На мавзолее.
Он был умнее и злее
Того - иного, другого,
По имени Иегова,
Которого он низринул,
Извел, пережег на уголь,
А после из бездны вынул
И дал ему стол и угол.
Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.

Однажды я шел Арбатом,
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбата,
В своих пальтишках мышиных
Рядом дрожала охрана.
Было поздно и рано.
Серело. Брезжило утро.
Он глянул жестоко, мудро
Своим всевидящим оком,
Всепроницающим взглядом.
Мы все ходили под богом.
С богом почти что рядом.

8. “МЫ НЕ РАБЫ!”

У каждого были причины свои:
один — ради семьи.
Другие — ради корыстных причин:
звание, должность, чин.

Но ложно понятая любовь
к отечеству, к расшибанью лбов
во имя его
двинула большинство.

И тот, кто писал: “Мы не рабы!”
в школе, на доске,
не стал переть против судьбы,
видимой невдалеке.

И бог — усталый древний старик,
 прячущийся в облаках,
 был заменен одним из своих
 в хромовых сапогах.

9. РАВНЕНИЕ

Равнение — как на парадах.
 Железная дисциплина.
 Полный порядок
 От Клина до Сахалина.
 Разъятые на квадраты,
 А после сбитые в кубы,
 Все были довольны, рады
 И не разжимали губы.
 Пожары — и те не горели,
 С рельс не сходили трамваи,
 Птицы на юг летели
 По графику — не срывая.
 Дети ходили в школу
 В этом углу мироздания
 Быстро! Поспешно! Скоро!
 Ни одного опоздания.
 Извержений не было.
 Землетрясений не было.
 Кораблекрушений не было.
 О них не писали в газетах.
 Когда начинались войны,
 Они утопали в победах.
 Все были сыты, довольны.
 Кроме самых отпетых.

10. ЧЕТВЕРТЫЙ АНЕКДОТ

За три факта, за три анекдота
 вынут пулеметчика из дота,
 вытащат, рассудят и засудят.
 Это было, это есть и будет.

За три анекдота, за три факта
 с применением разума и такта,
 с применением чувства и закона
 уберут его из батальона.

За три анекдота, факта за три
 никогда ему не видеть завтра.
 Он теперь не сеет и не пашет,
 анекдот четвертый не расскажет.

Я когда-то думал все уладить,
 целый мир облагородить,
 трибуналы навсегда отвадить

за три факта человека гробить.

Я теперь мечтаю, как о пире
духа, чтобы меньше убивали.
Чтобы не за три, а за четыре
анекдота со свету сживали.

11. КОНЕЦ ТЕРПЕНИЯ

Все телефоны не подслушаешь,
все разговоры – не запишешь.
И люди пьют, едят и кушают,
и люди понемногу дышат,
и понемногу разгибаются,
и даже тихо улыбаются.
А телефон – ему подушкой
заткни ушко,
и телефону станет душно,
и тяжело, и нелегко,
а ты - вздыхаешь глубоко
с улыбкою нескромною
и вдруг “Среди долины ровныя”
внезапно начинаешь петь,
не в силах более терпеть.

12. БЛАГОДЕТЕЛИ

Мягко спали и сладко ели,
износили кучу тряпья,
но особенно надоели,
благодарности требуя.

Надо было, чтоб руки жали
и прочувствованно трясли.
— А за что?
— А не сажали.
— А сажать вы и не могли.

Все талоны свои отоварьте,
все кульки унесите к себе,
но давайте, давайте, давайте
не размазывать о судьбе,

о какой-то общей доле,
о какой-то доброй воле,
и о том добре и зле,
что чинили вы на Земле.

13. ИДЕАЛИСТЫ В ТУНДРЕ

Философов высылали
Вагонами, эшелонами,
А после их поселяли
Между лесами зелеными,

А после ими чернили
Тундру — белы снега,
А после их заметала
Тундра, а также — пурга.

Философы — идеалисты:
Туберкулез, пенсне, —
Но как перспективы мглысты,
Не различишь, как во сне.
Томисты, гегельянцы,
Платоники и т. д.,
А рядом — преторианцы
С наганами и тэтэ.

Былая жизнь, как чарка,
Выпитая до дна.
А рядом — вышка, овчарка.
А смерть — у всех одна.
Приготовлением к гибели
Жизнь кто-то из них назвал.
Эту мысль не выбили
Из них барак и подвал.

Не выбили, — подтвердили:
Назвавший был не дурак.
Философы осветили
Густой заполярный мрак.
Они были мыслью тундры.
От голоданья легки,
Величественные, как туры,
Небритые, как босяки,
Торжественные, как монахи,
Плоские, как блины,
Но триумфальны, как арки
В Париже до войны.

14. КОММУНАРЫ

На рассвете с утра пораньше
По сигналу пустеют нары.
Потолкавшись возле параши,
На работу идут коммунары.

Основатели этой державы,
Революции слава и совесть —
На работу!
С лопатою ржавой.
Ничего! Им лопата не новость.

Землекопами некогда были.
А потом — комиссарами стали.
А потом их сюда посадили

И лопаты корявые дали.

Преобразовавшие землю
Снова Тычут Лопатой В планету
И довольны, что вылезла зелень,
Знаменуя полярное лето.

15. ПОЛИЦИЯ

Полиция исходит из простого
И вечного. Пример: любовь к семье.
И, только опираясь на сие,
Выходит на широкие просторы.

Полиция учена и мудра.
И знает: человек — комочек праха.
И невысокий бугорок добра
Полузасыпан в нем пургой страха.

Мне кажется, что человек разбит
В полиции на клетки и участки.
Нажмут — и человека ознобит.
Еще нажмут — и сердце бьется чаще.

Я думаю, задолго до врача
И до ученых, их трактатов ранних,
Нагих и теплых по полу влача,
Все органы и члены знал охранник.

Но прах не замечается пургой,
А лагерная пыль заносит плаху.
И человек, не этот, так другой,
Встает превыше ужаса и страха.

16. ХРАНИТЕЛИ ОТЧАЯНИЯ

В раннем средневековьи
до позднего далеко.
Еще проржавеют оковы.
Их будет таскать легко.

И будет дано понять нам,
в котором веке живем:
в десятом или девятом,
восьмом или только в седьмом.

Пока же мы все забыли,
не знаем, куда забрели:
часы ни разу не били,
еще их не изобрели.

Пока доедаем консервы,
огромный античный запас,

зато железные нервы,
стальные нервы у нас.

С начала и до окончания
суровая тянется нить.
Не будем терять отчаяния,
а будем его хранить.

Века, действительно, средние,
но доля не так тяжка,
не первые, не последние,
а средние все же века.

17. Я — ЧАСТЬ НАРОДА

А я не отвернулся от народа,
С которым вместе голодал и стыл.
Ругал баланду, обсуждал природу,
Хвалил далекий, словно звезды, тыл.

Когда годами делишь котелок
И вытираешь, а не моешь ложку —
Не помнишь про обиды.
Я бы мог.
А вот — не вспомню.
Разве так, немножко.

Не льстить ему,
Не ползать перед ним!
Я — часть его.
Он — больше, а не выше.
Я из него действительно не вышел.
Вошел в него —
И стал ему родным.

18. КРОВИ ВКУС

Нарушались правила драки.
Вот и все. Остальное — враки.

То под дых, то в дух, то в пах.
Крови вкус - до сих пор в зубах.

В деснах точно так же, как в нёбе.
На земле точно так же, как в небе

сладкий, дымный, соленый, парной
крови вкус во мне и со мной.

До сих пор по взору, по зраку
отличаю тех, кто прошел
через кровь, через драку,
через мордой об стол.

19. 21 ИЮНЯ

Тот день в году, когда летает
Над всей Москвой крылатый пух
И, белый словно снег, не тает.

Тот самый длинный день в году,
Тот самый долгий, самый лучший,
Когда плохого я не жду.

Тот самый синий, голубой,
Когда близки и достижимы
Успех, и дружба, и любовь.

Не проходи, продлись, помедли.
Простри неспешные часы.
Дай досмотреть твои красы,

Полюбоваться, насладиться.
Дай мне испить твоей водицы,
Прозрачной, ключевой, живой.

Пусть пух взлетевший — не садится.
Пусть день еще, еще продлится.
Пусть солнце долго не садится.
Пусть не заходит над Москвой.

20. ПОСЛЕДНЯЯ УСТАЛОСТЬ

Последнею усталостью устав,
Предсмертным равнодушием охвачен,
Большие руки вяло распластав,
Лежит солдат.
Он мог лежать иначе,
Он мог лежать с женой в своей постели,
Он мог не рвать намокший кровью мох,
Он мог...
Да мог ли? Будто? Неужели?
Нет, он не мог.
Ему военкомат повестки слал.
С ним рядом офицеры шли, шагали.
В тылу стучал машинкой трибунал.
А если б не стучал, он мог?
Едва ли.
Он без повесток, он бы сам пошел.
И не за страх - за совесть и за почесть.
Лежит солдат - в крови лежит, в большой,
А жаловаться ни на что не хочет.

21. ВО ЗДРАВЬЕ ЖИВЫХ!

Давайте после драки
Помашем кулаками:

Не только пиво-раки
 Мы ели и лакали,
 Нет, назначались сроки,
 Готовились бои,
 Готовились в пророки
 Товарищи мои.

Сейчас все это странно,
 Звучит все это глупо.
 В пяти соседних странах
 Зарыты наши трупы.
 И мрамор лейтенантов —
 Фанерный монумент —
 Венчанье тех талантов,
 Развязка тех легенд.

За наши судьбы (личные),
 За нашу славу (общую),
 За ту строку отличную,
 Что мы искали ощупью,
 За то, что не испортили
 Ни песню мы, ни стих,
 Давайте выпьем, мертвые,
 Во здравие живых!

22. ЖЕНСКИЕ ВЗОРЫ

Когда мы вернулись с войны,
 я понял, что мы не нужны.

Захлебываясь от ностальгии,
 от несовершенной вины,
 я понял: иные, другие,
 совсем не такие нужны.

Господствовала прямота,
 и вскользь сообщалось людям,
 что заняты ваши места
 и освобождать их не будем,

а звания ваши, и чин,
 и все ордена, и медали,
 конечно, за дело вам дали.
 Все это касалось мужчин.

Но в мир не допущен мужской,
 к обужам его и одежам,
 я слабою женской рукой
 обласкан был и обнадежен.

Я вдруг ощущал на себе
 то черный, то синий, то серый,

смотревший с надеждой и верой
взор. И перемену судьбе

пророчествовали и гласили
не опыт мой и не закон,
а взгляд, и один только он —
то карий, то серый, то синий.

Они поднимали с земли,
они к небесам увлекали,
и выжить они помогли —
то синий, то серый, то карий.

23. ВДОВЫ

Вот вам село обыкновенное:
Здесь каждая вторая баба
Была жена, супруга верная,
Пока не прибыло из штаба
Письмо, бумажка похоронная,
Что писарь написал вразмашку.

С тех пор как будто покоренная
Она той малою бумажкою.

Пылится платьице бордовое —
Ее обнова подвенечная,
Ах, доля бабья, дело вдовое,
Бескрайнее и бесконечное!

Она войну такую выиграла!
Поставила хозяйство на ноги!
Но, как трава на солнце, выгорело
То счастье, что не встанет наново.

Вот мальчишки бегут и девочки,
Опаздывают на занятия.
О, как желает счастья деточкам
Та, что не будет больше матерью!

Вот гармонисты гомон подняли.
И на скрипучих досках клуба
Танцуют эти вдовы. По двое.
Что, глупо, скажете? Не глупо!

Их пары птицами взвиваются,
Сияют утреннею зорькою,
И только сердце разрывается
От этого веселья горького.

24. ПАМЯТЬ

Я носил ордена.

После — планки носил.
 После — просто следы этих планок носил.
 А потом гимнастерку до дыр износил
 И надел заурядный пиджак.
 А вдова Ковалева все помнит о нем,
 И дорожки от слез — это память о нем,
 Столько лет не забудет никак!
 И не надо ходить. И нельзя не пойти.
 Я иду. Покупаю букет по пути.
 Ковалева Мария Петровна, вдова,
 Говорит мне у входа слова.
 Ковалевой Марии Петровне в ответ
 Говорю на пороге: — Привет! —
 Я сажусь, постаравшись к портрету спиной,
 Но бессменно висит надо мной
 Муж Марии Петровны,
 Мой друг Ковалев,
 Не убитый еще, жив-здоров.
 В глянцеви́тый стакан наливается чай.
 А потом выпивается чай. Невзначай.
 Я сижу за столом,
 Я в глаза ей смотрю,
 Я пристойно шучу и острою.
 Я советы толково и веско даю —
 У двух глаз,
 У двух бездн на краю,
 И, утешив Марию Петровну как мог,
 Ухожу за порог.

25. ЧЕТЫРЕ ГОДА

Ордена теперь никто не носит.
 Планки носят только чудаки.
 И они, наверно, скоро бросят,
 Сберегая пиджаки.
 В самом деле, никакая льгота
 Этим тихим людям не дана,
 Хоть война была четыре года,
 Длинная была война.
 Впрочем, это было так давно,
 Что как будто не было и выдуманно.
 Может быть, увидено в кино,
 Может быть, в романе вычитано.
 Нет, у нас жестокая свобода
 Помнить все страдания. До дна.
 А война — была. Четыре года.
 Долгая была война.

26. НА ПЕСКЕ

Я строю на песке, а тот песок
 еще недавно мне скалой казался.
 Он был скалой, для всех скалой остался,

а для меня распался и потек.

Я мог бы руки долу опустить,
я мог бы отдых пальцам дать корявым.
Я мог бы возмутиться и спросить,
за что меня и по какому праву...

Но верен я строительной программе.
Прижат к стене, вися на волоске,
я строю на плывущем под ногами,
на уходящем из-под ног песке.

27. ДОБРО И ЗЛО

Добро и Зло сидят за столом.
Добро уходит, и Зло встает...
(Мне кажется, я получил талон
На яблоко, что познание дает.)

Добро надевает мятый картуз.
Фуражка форменная на Зле.
(Мне кажется, с плеч моих сняли груз
И нет неясности на всей земле.)

Я слышу, как громко глаголет Зло:
— На этот раз тебе повезло. —
И руку протягивает Добру
И слышит в ответ: — Не беру.

Зло не разжимает сведенных губ.
Добро разевает дырявый рот,
Где сломанный зуб и выбитый зуб,
Руина зубов встает.

Оно разевает рот и потом
Улыбается этим ртом.
И счастье охватывает меня:
Я дожил до этого дня.